

Империя как эвристический вызов*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *Вульпиус Р.* (2023). РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА В XVIII ВЕКЕ / ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО М. БОГДАНОВИЧ. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. — 889 с. — (HISTORIA ROSSICA / STUDIA EUROPAEA). ISBN: 978-5-4448-2112-1

Олег Кильдюшов

Старший научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, 20, Москва, 101100, Российская Федерация
mail: kildyushov@mail.ru

Рецензируемая здесь книга представляет собой переработанную версию хабилитационной диссертации, защищенной немецким историком Рикардой Вульпиус в Мюнхенском университете имени Людвига и Максимилиана в 2018 году и вышедшей на языке оригинала в 2020 году¹. В настоящее время исследовательница является профессором восточноевропейской истории в Мюнстерском университете, где возглавляет соответствующее отделение Исторического семинара. Она специализируется на истории Российского государства XVI–XX веков, с фокусом на следующих предметных областях: соотношение русской нации и Российской империи, цивилизационные миссии на евразийском пространстве, Просвещение и колониализм, остзейские немцы как российская элита и т.д. Ее перу принадлежат многочисленные публикации по религиозной², городской³, культурной⁴ и имперско-идентитарной⁵ истории России. По-русски несколько статей Р. Вульпиус

* В данной публикации использованы результаты проекта «Национальная философия и культура: традиционные духовно-нравственные ценности», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

1. *Vulpius R.* (2020). Die Geburt des Russländischen Imperiums. Herrschaftskonzepte und -praktiken im 18. Jahrhundert. Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Böhlau: Köln, Weimar, Wien.

2. *Vulpius R.* (2023). From Inozemtsy to Inovertsy and Novokreshchenye: Images of Otherness in Eighteenth-Century Russia // K. Parpei, B. Rachimzjanov (Hg.): Images of Otherness in Russia, 1547–1917. Boston: Academic Studies Press. P. 104–128.

3. *Vulpius R.* (2022). Russländische Städte des 18. Jahrhunderts und das Imperium. Abschließende Überlegungen // Moderne Stadtgeschichte. № 2. Themenschwerpunkt: Städte im Russländischen Imperium / B. Belge, U. Hofmeister (Hg.). S. 96–101.

4. *Vulpius R.* (2022). Aufklärung und Kolonialismus im Zarenreich des 18. Jahrhunderts // Aufklärungen. Strategien und Kontroversen vom 17. bis 21. Jahrhundert / J. Birgfeld, S. Catani, A. Conrad (Hg.). Heidelberg: Universitätsverlag Winter. S. 187–204.

5. *Vulpius R.* (2014). The Emergence of an Imperial Identity in the Russian Empire // Cultural Transfers, Encounters and Connections in the Global 18th Century / Matthias Middell (Hg.). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. P. 185–210.

вышло в тематических сборниках⁶, в одном из которых она выступила соредактором⁷.

Помимо русской темы, большое внимание исследовательницы также обращено к различным аспектам этнорелигиозной истории Украины⁸. Этой топики посвящен ряд ее русскоязычных публикаций в журнале *Ab Imperio*⁹. Примечательно, что напряжение между двумя этими предметными полями вынуждает немецкого историка задаваться несколько неконвенциональными для политически нейтральной науки вопросами вроде эпистемологических последствий нынешнего геополитического конфликта для восточноевропейской историографии¹⁰.

В предисловии автор выражает благодарность целому ряду коллег, которые своими советами и замечаниями поспособствовали формулировке и уточнению тезисов исследования. Среди упомянутых можно выделить такие крупные фигуры западного руссиеведения, как Марк Раев, Майкл Ходарковский и Андреас Каппелер. Также в качестве референтных партнеров по научному диалогу названы российские историки А. И. Миллер и Д. А. Сдвижков, специализирующиеся на изучении имперского периода. В этом смысле книга Рикарды Вульпиус может рассматриваться как своеобразное подведение итогов текущей научной дискуссии о генезисе Российской империи. Конечно, итогов неизбежно предварительных — ввиду стремительного развития исторической империологии как отдельного направления в историографии. В книге имеется впечатляющий научный аппарат в виде библиографических ссылок и комментариев, и только список использованных источников и исследовательской литературы составляет 60 страниц! Таким образом, данная работа может выполнять для подготовленного отечественного читателя функцию удобной навигации во все более расширяющемся предметном поле русской имперской истории.

Структурно книга разделена на 5 частей: введение, заключение и три содержательные раздела. Последние настолько сильно отличаются по объему, что возникает вопрос о целеполагании такого структурирования материала. Так, если *раздел 2* занимает 60 страниц, то *раздел 3* — уже почти вдвое больше (112 страниц), а *раздел 4* составляет целых 369 страниц! Не менее странным является и содержательный фокус отдельных частей работы. Так, концепция подданства как инструмента создания империи почему-то выделена в одноименный раздел (с. 64-124), тогда

6. Вульпиус Р. (2012). К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / Под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. Т. II. М.: Новое литературное обозрение. С. 50-70.

7. *Imperium inter pares* (2010): Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). Сборник статей под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение.

8. См., например, ее первую диссертацию: *Vulpius R.* (2005). *Nationalisierung der Religion. Russifizierungspolitik und ukrainische Nationsbildung (1860–1920)*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 64).

9. Например: Вульпиус Р. (2006). Слова и люди в империи: к дискуссии о “проекте большой русской нации”, украино- и русофилах, наречиях и народностях... // *Ab Imperio*. № 1. С. 353-358.

10. *Vulpius R.* (2021). *Sollte der Krieg Russlands gegen die Ukraine die Epistemologie der Osteuropäischen Geschichte verändern und wenn ja wie?* // *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas*. № 69. Н. 4. С. 588-592.

как другие ключевые концепты обнаруживаются в громоздком последнем разделе (с. 238-607), где в шести параграфах, наряду с историей цивилизационных идей эпохи Просвещения, рассматриваются конкретные практики имперского господства. В результате столь неудачной организации материала в одной необозримой для читателя части собрана крайне гетерогенная проблематика — дискурсивные инновации (4.1), укрепление территорий (4.2), религиозная политика (4.3), экономическое стимулирование (4.4), администрирование окраин (4.5) и обеспечение лояльности (4.6). Не менее удивляет выделение автором отдельной части под тему заложничества (с. 125-237), которое как распространенная имперская практика была бы вполне уместна в подразделе, посвященном способам взаимодействия с элитами нерусских территорий. Странно, что российские издатели (НЛО) не предложили рубрику, более дружественный для отечественного читателя...

Сама Вульпиус мотивирует подобное структурирование текста собственной исследовательской прагматикой: проблема подданства является для нее ключевой при ответе на вопрос об имперской природе русского государства до 1721 года. Таким образом, в *разделе 2* она пытается выявить способы включения нерусского населения, характерные для империи или унитарного государства соответственно. Выделение же заложничества в качестве темы целого *раздела 3* содержательно объясняется ею решающим значением такого способа контроля лояльности для закрепления российской экспансии. При этом историк прямо указывает, что мотивом ее отдельного освещения стала слабая изученность вопроса в историографии. Что касается монструозного *раздела 4*, то она признает самостоятельный характер шести его подразделов, что подтверждается итогами в конце каждого из них.

В соответствии со стандартами современной исторической науки особое внимание в работе уделяется понятийному языку и самой исследовательской оптике на стыке историографии и социальных наук. Так, в концептуально насыщенном 50-страничном введении ученой тщательно обсуждает изучаемый предмет и его границы, терминологию, различные теоретические и методологические аспекты, а также степень изученности проблемы и использованные источники. При этом бросается в глаза ряд характерных особенностей, не свойственных предшествующей немецкой историографической традиции. Например, реализованная в работе специфическая «языковая политика» — уже в оригинале название сочинения применительно к Imperium содержит новоязный предикат Russländisches, а не конвенциональный Russisches. Тем самым империя оказывается соотнесена со страной (Russland), а не с ее народом (Russen). Видимо, таким образом молодые немецкоязычные историки пытаются политкорректно передать различие между *российским* и *русским*¹¹, несмотря на всю искусственность такого рода лингвистических решений в родном для них языке. Ведь это все равно что передавать по-немецки понятие *германский* как *deutschländisch* (т.е. относящийся к Deutschland), а не *deutsch* (т.е. относящийся к немцам). Иногда такая повышенная идентитар-

11. Стоит ли говорить, что это терминологическое различие является очевидной языковой модернизацией, поскольку в имперский период оба понятия часто использовались как синонимы.

ная чувствительность к полиэтничности приводит исследовательницу к еще более удивительным решениям: «сама страна называется “державой”, “царством” (Reich) или “империей” (Imperium), но не “Россией”» (с. 49). Это сильно напоминает терминологическую цензуру у ряда отечественных представителей «постколониальных исследований», пытающихся заменить исторически укорененное понятие «Россия» новоязычным эвфемизмом «Северная Евразия». Примечательно на этом фоне, что авторы из других западных стран ничтоже сумняшеся продолжают использовать традиционные формы *Russian Empire* или *L'Empire russe...*

Несмотря на ряд спорных моментов в дизайне и терминологии, исследование Рикарды Вульпиус носит фундаментальный характер и обладает несомненной релевантностью не только для историографии, но и для исторической социологии Российской империи. Так, уже при обсуждении предмета работы ею ставится ряд эвристических вопросов, которые являются ключевыми для понимания природы российской государственности до и после официального провозглашения имперского статуса нашей страны: «Если до этого страна именовалась Московской Русью, Московским царством, Русской землей или Россией, то отныне она была символически преобразована в “империю”. Означало ли это, что произошло некое коренное изменение в развитии страны? И если да, то что именно изменилось? Разве прежде в восприятии государственной элиты еще не существовало империи? И что понимали современники Петра I и его преемниц под “империей”? Заложило ли это понимание основы имперского сознания, которое существует и в наши дни?» (с. 15).

При этом исследовательница опирается на предложенное Р. Козеллеком категориальное различие между аналитическими понятиями, используемыми учеными, и понятиями источников, применявшимися самими акторами прошлого. Это позволяет ей точно фиксировать эвристический статус собственных высказываний об интересующем ее предметном поле — устойчивой системе политического господства и зависимости, возникшей в Восточной Европе в раннее Новое время и позднее осуществившей масштабную колониальную экспансию в Сибирь¹², на Кавказ и в Среднюю Азию.

Ученую здесь интересует рефлексивность процесса образования имперских структур — как в области управления, так и в сфере (само)сознания. В этой связи она, ссылаясь на Нэнси Коллманн¹³, говорит о Московском государстве XVI–XVII веков как о *де-факто империи*, которая еще длительное время продолжала при-

12. Вульпиус почему-то относит завоевание Сибирского ханства к XVII веку, тогда как отечественная историография традиционно датирует это событие концом XVI века. Уже Иван Грозный и Федор Иоаннович именовались «повелителями» или «обладателями Сибирской земли», а Борис Годунов в самом конце XVI века титуловался уже как «царь Сибирский». См.: *Солодкин Я. Г.* (2015). О принятии Борисом Годуновым титула Сибирского царя: хронология и мотивы // *Российская история*. № 3. С. 55–57.

13. *Коллманн Н. Ш.* (2023). *Россия и ее империя. 1450–1801* / Пер. с англ. В. Петрова. СПб.: Academic Studies / Библиороссика. См. нашу рецензию на эту работу: *Кильдюшов О. В.* (2025). От историографии империи к исторической империологии // *Социологическое обозрение*. Т. 24. № 1. С. 444–450.

держиваться патримониального дискурса предшествующей эпохи. Именно поэтому Вульпиус исследует собственно XVIII век как поворотный момент в истории нашей страны, когда исчезает «разрыв между империей как категорией аналитического познания и категорией, происходящей из источников» (с. 18).

В работе выдвигается несколько содержательных тезисов, так или иначе соотносящихся с текущей полемикой в исторической империологии. Исследовательница показывает, что уже Петр I и его окружение перенимают просвещенский дискурс цивилизования, оказавшийся в русских условиях дискурсом самоцивилизации. В этом смысле процесс формирования имперского дискурса России не сильно отличался от европейских паттернов. Анализируя топосы и практики русской имперской политики аккультурации и ассимиляции покоренных народов, автор обнаруживает многочисленные параллели с политической культурой других колониальных империй раннего модерна. Это позволяет ей ставить вопрос о том, как российская политика в отношении нехристианских народов восточных и южных окраин соотносится с европейским цивилизаторским дискурсом на стыке колониализма и Просвещения. Таким образом, конкретно-историческое изучение процесса формирования имперского самосознания российской элиты приводит Вульпиус к радикальному расширению перспективы. Более того, она считает, что уже российское господство XVIII века может стать предметом сравнительных исследований колониализма, отмечая недостаточное внимание в литературе к данному вопросу. И хотя сама теория и практика так называемых постколониальных исследований оказалась во многом дискредитированной связью с идеологической повесткой уходящей эпохи леволиберальной глобализации, постановка вопроса о колониальном измерении русской имперской экспансии является вполне научно легитимной.

Говоря о терминологии, которой посвящен отдельный подраздел концептуального введения, следует начать с понятия «империя». Здесь Рикарда Вульпиус, вслед за известным представителем «глобальной истории» Юргеном Остерхаммелем, считает наиболее функциональным определение, интегрирующее пространственное, политическое и силовое измерения с универалистским уровнем притязаний на господство. Конкретно в рецензируемой работе под империей ею понимается «сложносоставной союз господства, чья метрополия контролирует множество периферийных территорий и их культурно инородное население с помощью угрозы насилия, административного управления и местного коллаборационизма и высказывает претензии на универсализм» (с. 28).

Еще один важный терминологический момент связан с преодолением широко распространенного представления, в рамках которого национальные государства исторически выступают как преемники империй, заменяющие устаревшие имперские формы более современным институциональным дизайном. Вульпиус не разделяет подобные однолинейные схемы, ориентируясь на ряд недавних исследований, показывающих всю амбивалентность связи имперских и национально-государственных образований. В них опровергается взгляд на империи как ис-

ключительно домодерный феномен, который сменяют национальные государства в качестве их «естественных» преемников¹⁴. Для нее те и другие являются не статичными данностями, а подвижными формациями, между которыми возможны различные переходные формы — причем как от империи к унитарному государству, так и наоборот. В этом смысле оба феномена оказываются скорее идеальными типами в духе Макса Вебера. Между ними существует множество вариативных форм империй с признаками национального государства, как и национальных государств с имперскими признаками¹⁵. Исследовательница цитирует некоторых авторов, которые по этой причине предпочитают говорить об «имперской формации», «имперской модели» или даже «имперской ситуации»¹⁶. В определенном смысле современная историческая империология пришла примерно к тем же выводам о принципиально динамичном горизонте империи, которые уже несколько десятилетий развивает А. Ф. Филиппов. В его работах и высказываниях также подчеркивается имперский потенциал национального государства, который может получить шанс на реализацию в определенных геополитических обстоятельствах, даже после формального отказа от имперского статуса¹⁷.

В своей работе автор отстаивает целый ряд позиций, отличающихся или даже противоречащих взглядам, сложившимся в последнее время в историографии Российской империи. Одним из таких моментов, оспариваемых немецкой исследовательницей, является 1) представление о континуальности русского Нового времени, в соответствии с которым Петровская эпоха перестала рассматриваться как поворотный пункт в генезисе имперской России. Как утверждает в ряде работ последних десятилетий, период относительной преемственности государственной политики продолжался примерно 300 лет — с 1500 до 1800 года. Тем самым опровергается традиционная периодизация русской истории, в центре которой находился Петр I и его нововведения. Согласно ревизионистским подходам, Петровские реформы носили поверхностный характер, затронув исключительно элитные группы, тогда как социальные и культурные практики абсолютного большинства населения сохранялись на протяжении веков. При этом выдвигается аргумент о преемственности большинства нововведений с политикой его предшественников в XVII веке. Одной из задач рецензируемой книги как раз и было уточнение характера динамики государственного строительства XVIII века, что позволило бы внести содержательный вклад в дискуссию о периодизации на основе конкретного материала имперской политики.

14. Kumar K. (2010). Nation-states as empires, empires as nation-states: two principles, one practice? // *Theory and Society*. Vol. 39. № 2. P. 119-143.

15. Leonhard J., Hirschhausen U. von. (2009). *Empires und Nationalstaaten im 19. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

16. Stoler A. L., McGranahan C., Perdue P. C. (Eds.) (2007). *Imperial Formations*. Santa Fe, NM: School for Advanced Research Press.

17. См. недавнюю работу, в которой уточняется данный тезис: Филиппов А. Ф. (2025). Горизонты империи // *Новое литературное обозрение*. № 3 (193). С. 97-112.

Другой спорный сюжет, на котором делается акцент в работе, связан 2) с центральным для всей темы дискурсом цивилизованности, заимствованным Петром I в рамках его политики вестернизации и якобы охватывавшим все аспекты петровской политики в равной степени. Вульпиус предлагает более дифференцированно рассматривать эволюцию в XVIII веке семантики европеизации как цивилизирования/самоцивилизации в качестве важного этапа формирования русской цивилизаторской миссии. При этом она настаивает на важности дискурсивных различий, связанных с принятием парадигмы цивилизованности, легшей в основу политической программы аккультурации в соответствии со стандартами жизни в метрополии.

Еще один дискуссионный пункт относится к соотношению таких ключевых элементов русской идентитарной истории, как практикуемая *империя* и воображаемая *нация*. Автор 3) ставит под сомнение представления о том, что в XVIII веке в России не существовало различия между нацией как этнически однородной группой и нацией как всем населением империи. Она пытается показать рефлексивность политических практик имперской элиты, которая была вполне способна дифференцировать восприятие *нации* как этногосударственного статуса русского большинства и российское подданство нерусских этнических групп. Ключевым здесь было представление о собственном цивилизационном превосходстве, которое неизбежно порождало ожидание от Петербурга определенных мер по преодолению дефицита цивилизованности у нехристианских народов империи. Анализируя российскую политику цивилизирования во всей ее широте от аккультурации до ассимиляции, исследовательница фиксирует ранние идеи и практики русификации как стратегии по слиянию этнических меньшинств с русским большинством.

Отсюда вытекает следующий спорный момент, касающийся колониального измерения русского имперского господства. Автор утверждает, что 4) некоторые его фазы в отношении нерусских окраин уже в XVIII веке можно характеризовать как колониальные, опровергая тем самым целый ряд популярных в литературе точек зрения. Так, согласно одной из них, уже Москва вела колониальную политику. Другая позиция заключается в ограничении русского колониализма рамками XIX века. Третий подход вообще оспаривает то, что Российская империя когда-либо осуществляла политику, сопоставимую с классическим колониализмом западных держав. Немецкая ученая и здесь предлагает более дифференцированный подход, отвергающий общие утверждения. Она фиксирует методы колониального управления именно в XVIII веке, что было невозможно в предшествующие эпохи уже в силу отсутствия сознания собственного культурного превосходства. Лишь с принятием Петром I конститутивного для Российской империи дискурса цивилизирования могла возникнуть устойчивая политическая воля к культурной трансформации нерусских окраин.

Последняя амбициозная задача книги Вульпиус лежит в области уточнения представлений об адаптации в России идей европейского Просвещения. Она под-

черкивает активную роль российской элиты в процессе восприятия западных дискурсов: речь вовсе не шла о простом переносе комплекса западноевропейских нарративов на русскую почву, как и о прямой попытке их реализовать в политической практике Российской империи.

Не давая оценок самому понятию эпохи и не относя конкретных просветителей к колониалистам или антиколониалистам в духе «культуры отмены», автор 5) анализирует конкретную рецепцию просвещенческих идей. Ее интересует практическое преломление дискурсивных инноваций Европы, ставших значимым элементом русской культурной повестки, в имперской политике Санкт-Петербурга. При этом ставится под сомнения плодотворность разговоров о «Просвещении вообще». Просвещение не рассматривается в работе как некая целостная концепция — это скорее комплекс нарративов, объединенных саморефлексией относительно культурной значимости Европы как носителя исторического прогресса человечества. Автор оспаривает возможность выявления одного-единственного нарратива Просвещения, предпочитая говорить о вариативности и динамике форм его артикуляции во множественном числе. Такой научно-прагматический способ проблематизации идейного трансфера и адаптации позволяет ей реконструировать фактическое влияние на практическую политику империи таких абстрактных концептов, как цивилизованность или стадийность развития в смысле «цивилизационной лестницы» различных народов. При этом в центре внимания исследовательницы находится не сам факт этого влияния, а то, как именно эти концепты использовались для легитимации тех или иных решений или для установления пределов колониального управления. Тем самым Вульпиус на материале русской политической и интеллектуальной истории XVIII века ставит вопрос о взаимосвязи Просвещения и колониальной политики. Она подчеркивает избирательность рецепции идей Просвещения, которая «дала возможность российским имперским акторам перевести свое восприятие культурных различий на перифериях державы на язык прогресса, который, по их мнению, присутствовал у одних в большей, а у других в меньшей степени» (с. 634–635). В этом смысле идеи Просвещения вроде универсализма и цивилизации служили в качестве дискурсивного обоснования политики культурного миссионерства и воспитания отсталых народов. Тем сам имперская экспансия получала дополнительную рационализацию, помимо традиционного интереса к обеспечению контроля над окраинами.

В работе подчеркивается, что, с одной стороны, с XVIII века российская элита рассматривала себя как неотъемлемую часть цивилизованного мира, призванно нести свет Просвещения другим народам. С другой стороны, автор выявляет специфику политики цивилизирования, осуществлявшейся Петербургом в самобытных формах в соответствии с традициями российского государства раннего модерна.

Несмотря на неоптимальный для читательского восприятия способ структурирования материала, книга Рикарды Вульпиус обладает такими несомненными эвристическими достоинствами, как методологическая рефлексивность, теоре-

тическая фундированность, широта подхода и глубина постановки изучаемых проблем. Работа содержит обзор релевантной литературы, выступая в роли своеобразного введения в проблематику имперской истории России. Данный труд является важным содержательным вкладом в империологическую дискуссию о природе и характере русской государственности.

Empire as an Heuristic Challenge

Review of the book: Vulpius R. (2023) *The Birth of the Russian Empire. Concepts and Practices of Political Domination in the 18th Century* / Translated in Russian from German by M. Bogdanovich. Moscow: New Literary Review. — 889 p. — (Historia Rossica / Studia Europaea). ISBN: 978-5-4448-2112-1

Oleg Kildyushov

Senior Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: kildyushov@mail.ru